

ЖАНР ИНВЕКТИВЫ В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА¹

На основании константных и доминантных признаков лирического жанра инвективы, установленных автором статьи, в поэзии Ф.И. Тютчева выявлено 23 инвективы. Они рассматриваются с точки зрения структуры, типологии и генезиса в синхроническом и диахроническом срезах.

К лирике Тютчева, поэта, чье зрелое творчество приходится на середину XIX в., исследователи правомерно применяют тематический принцип классификации. К трем тематическим группам, выделенным Я.О. Зунделовичем, – «собственно философские стихотворения, пейзажная и интимная лирика» [1, с. 29], как правило, добавляется четвертая – политические стихотворения [2, с. 47; 3, с. 72-73]. Одновременно литературоведы нескольких поколений пытаются охарактеризовать необычную жанровую систему поэта, выделяя в ней, с одной стороны, гражданскую и философскую оду державинского типа [4, с. 395; 5, с. 232-233; 6], с другой стороны – фрагмент, возникший, согласно концепции Ю.Н. Тынянова, из разложения монументальной формы XVIII в. [3, с. 42-47]. Принимая концепцию Ю.Н. Тынянова и утверждая, что фрагментарность – жанровая доминанта лирики Тютчева (см. [3, с. 69]), исследователи называют многочисленные жанровые разновидности лирики поэта. Среди предлагаемых дефиниций фигурируют как традиционные жанры («элегия» [2, с. 252], «антологическая ода» [5, с. 240], «послание» [3, с. 75], «притча» [7, с. 174], «эпиграмма» [2, с. 46]), так и нетрадиционные («миниатюра» [8, с. 38], «молитва» [9, с. 90], «лирический пейзаж» [10, с. 353], «лирический жанр «строфической двойчатки» [11, с. 122-128] и др.). На инвективу в лирике Тютчева применительно к двум стихотворениям поэта («Не то, что мните вы, природа...» и «14-е декабря 1825» указал Л.В. Пумпянский еще в 1928 г. (см.: [5, с. 229-232]), но поскольку в литературоведении до последнего времени не разграничивались инвектива как тип речи и инвектива как лирический жанр, наблюдения большого ученого над

отдельными текстами ни им самим, ни его последователями² не были распространены на все 60-летнее творчество поэта, так что проблему жанра инвективы в поэзии Ф.И. Тютчева нам предстоит в полном объеме ставить заново.

Проблема жанра инвективы была выдвинута нами в результате разграничения инвективы как типа речи (инвектива в широком смысле слова) и инвективы как лирического жанра (инвектива в узком смысле слова) [13; 14]. В обоих обозначенных случаях высказывание отличается повышенной экспрессией, вызванной осуждением лиц или явлений действительности. Принципиальная разница инвективной (гневной) речи вообще (в любом произведении) и жанра инвективы заключается, по нашей концепции, в структуре произведений, в частности, в их субъектном строе. Инвектива в узком (жанровом) смысле слова представляет прямое обращение субъекта, выраженное местоимением первого лица (я/мы) и соответствующими формами прилагательных и глаголов, к лицу (группе лиц) или какому-либо объекту (обязательно персонифицированному), выраженному местоимением второго лица (ты/вы) и соответствующими формами прилагательных и глаголов, в то время как инвектива в широком смысле слова (как тип речи) может быть обращена в адрес как присутствующего, так и отсутствующего лица. Применяя термины «эготивность» и «апеллятивность», предложенные Ю.И. Левиным для описания лирики с коммуникативной точки зрения [15], следует сказать, что инвектива как жанр всегда апеллятивна и в большинстве случаев эготивна. Таким образом, в жанре инвективы отчетливы два (непрерывно связанных между собой) константных признака:

¹ В основе данной статьи – положения, выдвинутые в нашем докладе на Международной конференции «Ф.И. Тютчев: поэт, дипломат, мыслитель», организованной ИРЛИ РАН и Международным фондом канцлера А.М. Горчакова в связи с 200-летием со дня рождения Тютчева в декабре 2003 (СПб).

² См., например, повторение суждений Л.В. Пумпянского по поводу оды-инвективы «Не то, что мните вы, природа...» в содержательной работе И.О. Шайтанова [12, с. 55-60].

1) гневная направленность (с различными оттенками осуждающей интонации); 2) прямая апеллятивность по формуле я/мы → ты/вы (о редких в инвективе случаях отсутствия субъекта см. в [16, с. 82-85]). Константные признаки во многом определяют три доминантных признака: 1) композиционная амплификация, охватывающая план субъекта и план адресата (об этом см.: [17]); 2) специфическое инвективное время (настоящее, переходящее в будущее); 3) мотив ожидаемого или уже свершившегося наказания осуждаемого лица (переплетающийся с мотивами мщения, проклятия и т. п.). В целом жанр и предстает как жанр с яркой лирической агрессией. Диахронический взгляд на материал русской поэзии показал, что, хотя отдельные образцы инвективы появляются в XVIII – начале XIX в.в. («Гимн бороде», «Зубницкому» Ломоносова, «Властителям и судиям» Державина, «Перуанец к испанцу» Гнедича и др.), формирование рассматриваемого жанра на русской почве приходится на время декабристов, нашедших в инвективе жанровую форму, с помощью которой можно, как выражался В. Кюхельбекер, проклинать «изверга», метать перуны в супостатов» [14]. Как мы отмечали [13], наиболее важный этап в развитии жанра в русской поэзии – инвективы М.Ю. Лермонтова с его стихом, «облитым горечью и злостью» (о инвективах Лермонтова см.: [18; 19]). Имея в виду перечисленные выше признаки жанра, хронологически следующей за Лермонтовым значительной фигурой в истории русской инвективы, очевидно, должен быть Ф.И. Тютчев. Наш прогноз основывается по меньшей мере на трех аргументах. Аргумент первый. Как известно, Тютчев проявлял пристальный интерес к социально-политическим аспектам жизни России и Европы, что и вылилось в появлении уже отмечавшегося в начале статьи значительного пласта политической лирики поэта, а инвектива (по крайней мере,

на русской почве) имеет по преимуществу социально-политическую тематику (хотя ею и не исчерпывается). Аргумент второй. Тютчев – поэт и дипломат – имел ярко выраженный гражданский темперамент, который в совокупности с ироническим складом ума и знаменитым острословием выливался в агрессивные выпады против всех и вся – против стран, ведомств, чиновников и т. п. (см., например, письма Тютчева 1854 года из СПб, адресованные жене, Э.Ф. Тютчевой, в Мюнхен и Овстуг, в которых поэт-дипломат обличает «эгоизм Англии», «низкую гнусность Франции», «войну кретинов с негодями»; в письмах Управление по делам печати называется «подлым ведомством», а чиновники – «неслыханной», «безмерной посредственностью» [20, с. 398, 408, 410]. Подобные выпады предсказывают возможную лирическую агрессию в инвективе. Аргумент третий. Вся лирика Тютчева отличается высокой степенью апеллятивности, о чем (с использованием различного категориального аппарата) писали многие исследователи: Б.М. Эйхенбаум обращал внимание на частое присутствие в лирике Тютчева человека, к которому поэт обращается с речью [4, с. 397], Н.Я. Берковский писал о «болезненной жажде общения» у поэта [21, с. 9], Н.В. Королева отметила «постоянный литературный прием обращения к условному слушателю, собеседнику [22, с. 217], Н.Н. Скатов усматривал «особенность» «Тютчева в «диалогичности» [23, с. 117], Б.О. Корман и Л.М. Биншток исследовали ярко выраженную адресность поэта [24].

Наш прогноз оправдался: среди 294 стихотворений Тютчева на русском языке, помещенных в первые два тома последнего полного собрания сочинений поэта [25], мы выявили 23 текста³, которым, согласно нашим дефинициям, можно и нужно придать статус инвективы в жанровом смысле слова (в это число входят и стихотворения с размытыми жанровыми границами, что будет

³ На новый 1816 год, 1816; А.Н.М. («Нет веры к вымыслам чудесным...»), 1821; 14-ое декабря 1825, 1826; Могила Наполеона, <1828>; Байрон (Отрывок), 1828; «Как птичка, раннею зарей...», <1835-36>; <Из Беранже> («Пришлось кончить жизнь в овраге...»). 1833-36; «Не то, что мните вы, природа...», <1836>; «И чувства нет в твоих очах...», <1823-1836>; Наполеон, 1850; «Нет, карлик мой! трус беспримерный!», 1850; «О, как убийственно мы любим...», 1851; «Не Богу ты служил и не России...», 1855; «Куда сомнителен мне твой...», 1850-е; Ответ на адрес, 1865; Князю Суворову, 1866; «Ты долго ль будешь за туманом...», 1866; Славянам («Привет вам задушевный, братья...»), 1867; «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...», 1867; «Вы не родились поляком...», 1869; Чехам от московских славян, 1869; Наполеон III, 1872; «Не в первый раз волнуется Восток...», 1867 (последнее – в числе Стихотворений, приписываемых Ф.И. Тютчеву).

ниже особо оговорено). Таким образом, жанр инвективы в лирике Тютчева составляет 5,8%. Для периферийного жанра, каким, по нашим наблюдениям, всегда была инвектива, это высокий показатель. (Для сравнения укажем, что аналогичный показатель у Пушкина – 1,5%, у Лермонтова – 4,6%).

Названные выше константные и доминантные признаки инвективы отчетливо просматриваются в первой инвективе Тютчева «На новый 1816 год». Стихотворение состоит из семи 8-стиший (с рифмовкой АБАБВГВГ), наполненных разностопным урегулированным ямбом 66666644. Первые три строфы напоминают философскую оду: грядущий новый год сменяет «предшественника», погрузившегося в вечность, «как капля в океан»; появляется образ бога Времени Крона; трагически звучат риторические вопросы: «Что может избежать от гнева Крона злого? / Что может устоять пред грозным богом сим?» В 4 строфе меняется семантика II лица: ты – это не персонифицированное время, к которому были обращены восклицания во второй строфе, а физическое лицо, (хотя и имеющее обобщенный смысл) – «сын роскоши». С данной строфы начинается гневное обличение этого «сына роскоши», которое продолжается до конца стихотворения, формируя жанр инвективы. Помимо гневной направленности, в пользу нашей жанровой дефиниции говорят следующие структурные признаки произведения: в строфах 4-5-6-7 есть прямая апелляция: «А ты, сын роскоши! О смертный сладострастный / Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег <...>»; в 4-5 строфах – экспрессивные номинации обличаемого лица: «сын роскоши», «смертный сладострастный», «слепец», «жертва Тартара», «грабитель»; в 5 строфе – характерный для жанра инвективы перечень его злодеяний: «И ты еще дерзнул своей рукою жадной / Отгъять насущный хлеб у вдов и у сирот; / Изгнать из родины семейство безотрадно!...»; в 5-7 строфах – развернутая картина ожидаемого возмездия: «Разверглась пред тобой подземная обитель!; одновременно настоящее время сменяется будущим: «Там вечно будешь зреть секиру изощренну <...>».

Анализируемая инвектива Тютчева представляет интерес не только в плане структуры (примечательно наличие в ее композиции всех выделяемых нами в инвективе композиционных звеньев: номинация, перечисление злодеяний, угроза [17], но и в плане генезиса жанра, а также в плане типологии. Рассмотрим последовательно оба аспекта. Исследователи жизни и творчества Тютчева единодушны во мнении, что стихотворение «На новый 1816 год» написано под влиянием Горация. Главными аргументами здесь выступают интенсивные переводы Горация юношей-Тютчевым [26, с. 14], а также авторитетное свидетельство К.В. Пигарева, о том, что стихотворение первоначально имело заглавие «Вельможа. Подражание Горацию» [20, с. 498]. К фактам биографии и творческой истории добавляется интерпретация круга мотивов: в центр выдвигаются «мотивы всепоглощающего времени и смерти», которые «идут, безусловно от Горация [27, с. 71]. Автор одной из последних монографий, посвященных проблеме античности в русской поэзии, А.В. Успенская сочувственно приводит данные немецкого исследователя В. Буша (W. Busch), согласно которым Тютчев в стихотворении «На новый 1816 год» использовал следующие оды Горация: II,3, II,10, II,14, II,16, II,18, III,1, IV,7 – «этим одам соответствуют и семь строф стихотворения» [28, с. 94]. Принимая тезис о значимости роли Горация в творчестве Тютчева в целом, считаем необходимым внести в этот тезис (во всяком случае применительно к стихотворению «На новый 1816 год») некоторые коррективы. Даже поверхностное знакомство с указанными одами Горация позволяет увидеть, что они наполнены вариациями всем известными «горациановскими» мотивами: золотой середины (II,10: «выбрав золотой середины меру, / Мудрый избежит обветшалой кровли» [29]); довольства малым (II,16: «Хорошо тому, кто богат немногим...»), «Будь доволен тем, что в руках имеешь...»); равенства людей перед лицом смерти (III,1: «В урне равны имена людские...»); быстротечности жизни и отсутствия бессмертия (IV,7: «Ты же бессмертья не жди, – так год прожитой нам вещает, / Месяц вещает и

день.)). Из 7 названных выше од гневные выпады против жаждущих богатства встречаем только в 18 оде второй книги, имеющей посвящение «К алчному»; в 6-7-8 строфах этой оды прямая лирическая агрессия: «Что ж? Тебе и этого / Еще все мало, и, меж срывая, // Рад своих клиентов ты / Присвоить землю <...>, однако этот инвективный выпад сменяется примиряющим мотивом равенства людей перед лицом смерти: «Та же расстается / Земля пред бедным, как и пред царями!» У Тютчева развертывание мотивов и образов прямо противоположное. Правда, в четвертой строфе, в которой начинается обличение «сына роскоши», есть гораценовское предостережение, сделанное через контрастное сопряжение тем: «Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег!.. / Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный: / Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..» и в дальнейшем развертывании текста образ Коцита (реки подземного царства) корреспондирует с образом Тартара (самого подземного царства) и другими образами, связанными с мотивом смерти. Однако (что для нас принципиально важно) в стихотворении Тютчева этот мотив является не центральным, как считали наши предшественники, а периферийным. Главным является обличение «сына роскоши» с градацией мотива возмездия, которое придет в разных формах – домоклова меча («Там вечно будешь зреть секиру изощренну, / На тонком волоске висящу над главой...»), адских мук, описанных очень подробно («Возложишь не на одр растерзанные члены <...> « Но нет – на жупел раскаленный...» и т. д.) и, наконец, в форме народного забвения (!...И навсегда со гласом мести / Умолкла о тебе молва!)). Инвективное обличение, на наш взгляд, заслоняет философские размышления первых трех строк, с которыми, как правило, и связываются традиции Горация. Мы эти традиции усматриваем в другом.

В первоначальном (по К.В. Пигареву) названии стихотворения «Вельможа. Подражание Горацию» Тютчев, как нам представляется, указывает на свои генетические связи не с одним, а с двумя поэтами – Горацием и Державиным, автором «Вельможи». В тек-

сте «Вельможи» сам Державин упоминает «песнь», предназначенную для тех вельмож, «...кои доблестью снискали / Себе почтенье от граждан». Но в этой «песне» (читай: оде!), состоящей из 25 8-стиший 4-стопного ямба с рифмовкой по схеме аБаБвГГв, 8 строф (64 строки) являются прямой апелляцией к сибариту с развернутым его обличением. Амплификация «плана адресата» происходит через последовательное описание многочисленных страждущих, образующих социальный контраст вельмож, и заканчивается знаменательным гневным императивом «Проснися, сибарит!», повторенным в другом столетии Некрасовым в «Размышлении у парадного подъезда» – «...пробудись!» (вне связи с инвективой на переключку стихотворений Державина и Некрасова обращал внимание Д.Д. Благой [30, с. 418]. Поскольку 8 обличительных строф находятся в окружении строф одического тона, мы называем «Вельможу» «одой-инвективой», подчеркивая тем самым преобладание в ней одического начала. Следы «Вельможи» Державина в тютчевской инвективе не в лексических совпадениях, а в использовании приема социального контраста и в самой энергии прямого обличения. Что касается Горация, то римский поэт, несомненно, влиял на молодого Тютчева разными жанрами, в которых были осуждающие апеллятивные фрагменты – отмеченной выше 18 одой второй книги (из 7 од, указанных В.Бушем, только в этой оде есть, как отмечалось, гневные выпады), а также 1-й сатирой (объем – 121 строка), включающей три больших инвективных фрагмента, адресованных к алчному богачу 1) строки 38-57 («...а ты? А тебя ведь ни знойное лето, / Ни зима, ни огонь, ни море, ни железо не могут / От барышей оторвать <...>); 2) строки 69-73 («Так ведь и ты над деньгами проводишь бессонные ночи...»); 3) 80-93 («Все ненавидят тебя! <...> ты деньги / В мире всему предпочел <...>»). Анализ субъектного строя 1-й сатиры подтверждает ранее выдвинутую нами гипотезу о роли сатиры Горация в формировании русской инвективы. С.Н. Реутова, проверяя эту гипотезу, добавила к сатире эподы (о чем ее статья в настоящем журнале). Проверив «спи-

сок В. Буша», мы добавляем в круг источников инвективы также и оду. Кроме того, проанализированный материал позволяет, как нам представляется, говорить о влиянии Горация (в интересующем нас аспекте) более расширительно: Гораций открыл в разных жанрах – сатире, оде, эподах – такой нарратив, при котором оказывается возможным изменение субъектно-объектных отношений: от 3-личного высказывания, иногда от ролевого «я» или иной формы перейти к прямому гневному обращению к лицу, осуждаемому за какой-либо порок, а затем вновь сменить тон и субъектный строй текста. Как видим, именно эта особенность композиции произведений Горация была в «Вельможе» воспроизведена Державиным, поэтому великий римский поэт молодым Тютчевым мог быть воспринят и непосредственно, и через Державина. Позднее эту особенность нарратива Горация Тютчев, очевидно, учитывал и в ряде других произведений, что отражает составленный нами корпус текстов инвектив поэта. См.: «Байрон (отрывок)», «Наполеон», «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»), «Чехам от московских славян».

«На новый 1816 год», с которого мы начали анализ структуры и генезиса инвектив Тютчева, была с точки зрения предложенной нами и А.С. Краковяк типологии [14, с. 28-32; 31], инвективой «высокой»: в ней обличение (осуждение) делается от лица субъекта или от лица всего человечества с высоких идейно-нравственных позиций. Высокая инвектива очищена от бытового содержания, упреки, проклятия обрушиваются на извергов, злодеев (у декабристов, молодого Пушкина – и тиранов), но в апеллятивных выпадах нет посрамления, снижающих деталей. Как нам уже приходилось писать, в качестве источника «высокой» инвективы помимо римской сатиры были библейские псалмы [14, с. 28-30], следы влияния которых в инвективе «На новый 1816 год» отчетливо видны в явно гипертрофированном композиционном звене «возмездия». Второй, полярный первому, тип инвективы – инвектива низкая, площадная. О ней и о промежуточных формах мы скажем ниже.

Большая часть инвектив Тютчева относится к первому типу – высокой инвективе,

что вполне предсказуемо, поскольку вся поэзия Тютчева, по утверждению Н.Н. Скатова «освободилась от всего эмпирического, бытового <...>» [23, с. 113]. В высокой инвективе Тютчева различные адресаты. Поскольку, как отметил еще в начале XX в. В.Я. Брюсов, «пантеизмом объясняется едва ли на вся его (Тютчева – С.М.) поэзия» [32, с. 196] объектами гневного осуждения в инвективе становятся враги пантеизма, о чем свидетельствует ранняя инвектива «А.Н.М», в которой равнодушный к миру природы и «древних народов» ученый, «скованный своей наукой», предстает как «раб ученой суеты», томимый скукой в «убогой хижине своей», а затем, знаменитая инвектива поэта «Не то, что мните вы, природа...», «манифест пантеизма», по выражению Н.Я. Берковского. Связь двух стихотворений уже неоднократно отмечалась: их объединяет и сходство идейного звучания, и стилистика, основанная на характерных для Тютчева архаике и риторике (об этой особенности поэтики Тютчева см.: [33, с. 9-17]). Обобщение точек зрения на философский аспект инвективы сделано И.О. Шайтановым [12]. В плане поэтики жанра инвективы «Не то, что мните вы, природа...» дает яркий пример изменения местоименного выражения формы адресата: переход от **вы** («Не то, что мните **вы**, природа...»); «**Вы** зрите лист и цвет на древе...») к **они** (**Они** не видят и не слышат...»), «Лучи к **ним** в душу не сходили...» и т. д.). При этом стихотворение остается инвективой; для определения его жанра как «ода-инвектива» [12, с. 55-60], на наш взгляд, нет оснований. Смена форм местоимений на маленькой площадке текста, при сохранении гневной тональности, маркирует смену ракурса: **вы** – план ближний, **они** – план дальний, общий. За счет чего осуждение, дающееся здесь не от лица отдельного субъекта (он эксплицитно не выражен), а от лица всего человечества, приобретает еще более общий смысл, что компенсирует неопределенность «загадочного» (до сих пор, как известно, не установленного) реального адресата, на который выливается лирическая агрессия инвективы.

Среди высоких инвектив Тютчева и «14-ое декабря 1825». Трактовки этого сти-

хотворения различны. С точки зрения А. Николаева в нем выражено однозначно отрицательное отношение Тютчева к восстанию декабристов [34, с. 121]. С точки зрения Л.М. Лотман, осуждение декабристов у Тютчева «двусмысленно и не абсолютно». Л.М. Лотман акцентирует внимание на изображении декабристов жертвами энтузиазма и мечты о свободе, а также на образ крепостнической России как «вечного полюса» [35, с. 421-422]. Вторая концепция предлагается и в современных учебных изданиях (см. [36]). Нам она также близка. Наша интерпретация «14-го декабря 1825» как высокой инвективы основывается на том, что в ней на протяжении всего текста развертывается осуждение, обращенное напрямую ко всему сообществу декабристов («Вас развратило самовластие...»). В 6-й строке сообщается: «народ поносит ваши имена», однако, самого поношения в инвективе нет; гневный тон обличения вызван иной (очевидно, монархической) идеологической позицией, но само обличение выдержано в стилистике высокой архаики («сей приговор», «Вы упали...»). Композиция инвективы отражает сложное движение мысли Тютчева. Первая часть (8 строк, отделенных графическим пробелом от последующих 8 строк) могла быть самостоятельной инвективой, поскольку в ней сконцентрированы все константные и доминантные ее признаки: 1) гневный тон; 2) выражение адресата местоимением II лица множественного числа и соответствующими формами прилагательных; 3) настоящая ситуация переносится в будущее; 4) в будущем будет возмездие в виде забвения потомков. Во второй части осуждение продолжается, но оно смягчается за счет появления номинации («жертвы мысли безрассудной») и «боковых» образов: «вековой громады льдов», «зимы железной». Амплификация на небольшой площадке текста второй строфы создает зловещий образ России. Объединяет два 8-стишия осуждение участников 14-го декабря, субъектная организация (сохранение местоимения II лица: «Вас» – «Вы») и мотив утраты памяти потомков (в первой

строфе: «и ваша память для потомства / Как труп в земле, схоронена»; во второй строфе: «Зима железная дохла – / И не осталось и следов.»). Этот мотив, восходящий к библейским псалмам, звучит в двух частях инвективы по-разному: в первой строфе – угрожающе, во второй – с трагическим оттенком. К сказанному по поводу типологии и структуры следует добавить соображения генетического плана. Как выше отмечалось, поэты-декабристы для выражения своих идейно-эстетических позиций формировали жанр инвективы (см.: «К временщику», «Я ль буду в роковое время...» К. Рыльева, «<На смерть Чернова>», «Пророчество», «Клеветнику» В. Кюхельбекера). Очевидно, инвективы декабристов были замечены Тютчевым, и он свое отношение к 14-му декабря 1825 года выразил в форме ими созданного жанра.

К высоким инвективам мы отнесли также стихотворения: «Ты долго ль будешь за туманом...», «Славянам» («Привет вам задушевный, братья...»), «Чехам от московских славян», посвященные славянскому вопросу⁴, а также два произведения, адресатами которых являются знаковые фигуры XIX века: «Байрон (Отрывок)», и «Наполеон». В двух последних строки с прямой лирической агрессией составляют лишь отдельные фрагменты, но именно они высвечивают авторское отношение к заглавным фигурам. Отрицательное отношение Тютчева к Наполеону предсказуемо, инвективные выпады против Байрона – неожиданны, но совершенно очевидны: они и в утверждениях («Над морем и землей парил высоко, / Но трупов лишь твоё искало око!..»), и в риторических восклицаниях («Титан ли ты, чье сердце снелю врана, / Иль сам ты вран, терзающий титана!..»). Не имея возможности в данной статье дать целостный анализ «отрывка», отметим только, что наша интерпретация жанрового содержания перекликается с последними исследованиями тютчеведов, в частности с работой Э.И. Худошиной [38].

Заключая обзор «высоких» инвектив Тютчева, отметим, что, помимо инвектив

⁴ Сам вопрос в полном объеме представлен в учебном пособии Н.К. Жаковой «Тютчев и славяне» [37]. С точки зрения лирической агрессии названные «славянские стихотворения – ярко выраженные инвективы со следами гневного стиха Лермонтова (Ср.: «Опально-мировое племя, когда же будешь ты. народ» Тютчева и «Ты жалкий и пустой народ» Лермонтова)

социально-политической тематики (занимающих, понятно, центральное место в этом типе), к «высоким» инвективам следует отнести, выделив в особую группу, самоинвективы поэта: «И чувства нет в твоих очах...» и «О, как убийственно мы любим...».

Второй, полярный первому, тип «низкой», или «площадной», инвективы, погруженной в быт, использующий просторечье, снижающие детали, представлен в стихотворении «Пришлось кончить жизнь в овраге...». Оно является переводом стихотворения французского поэта П.-Ж. Беранже «Старый бродяга». Сопоставительный анализ перевода Тютчева и оригинала дан в нашей специальной статье (в соавторстве с О.В. Семеновой), помещенной в настоящем журнале. Дополнительно укажем на следующее. 1) В.Я. Брюсов, говоря о французских пристрастиях Тютчева, отмечал, что поэт ценил Гюго, Ламартина, кое-кого еще из французов [32, с. 205]. Очевидно, «кое-кто» – это великий французский поэт Беранже, мимо которого не мог пройти Тютчев, хотя, как отмечают тютчеведы, «Пришлось кончить жизнь в овраге...» «стоит особняком» [25, с. 429] в творчестве поэта. 2) Интерес представляет тот факт, что примерно в одно время с Тютчевым к опытам Беранже обращается Пушкин. Площадная инвектива «Рефутация г-на Беранжера», 1827, – резкий выпад против Беранже (как известно, несправедливый, ошибочный), сделан Пушкиным-Протеем в стилистике Беранже. Таким образом Пушкин и Тютчев, независимо друг от друга, создают площадные инвективы, восходящие к опытам Беранже.

Промежуточное положение между высокой и низкой инвективой занимает особая группа, в нашей терминологии, эпиграмматических инвектив: «Куда сомнителен мне твой...», «Ответ на адрес», «Князю Суворову», «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...», «Вы не родились поляком...». Наиболее известная и показательная с точки зрения жанрового содержания инвектива – «Не Богу ты служил и не России...», адресованная Николаю I: «Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые, – / Все было ложь

в тебе, все призраки пусты: / Ты был не царь, а лицедей». Прочитанное стихотворение имеет два признака эпиграммы – 1) сатирическую направленность, 2) малый объем, но не имеет главного, специфического, признака эпиграммы – «эпиграмматического сюжета», построенного на контрасте ожидаемого и неожиданного, постепенной экспозиции и заключительной остроты (пунта). Стихотворение начинается сразу с осуждения адресата гневным, обличительным тоном, и это осуждение, бросаемое в лицо адресату, сохраняется до конца текста. В этом принципиальное отличие эпиграмматических инвектив от просто эпиграмм. Опыты подобных инвектив были в русской поэзии у предшественников Тютчева (Тредиаковского, Ломоносова) и у его современников (Вяземского, Пушкина). На наш взгляд, русские эпиграмматические инвективы были типологически близки «эпиграмматическим инвективам» Катулла, воспринимаемым скорее всего через французскую литературу, но вопрос этот требует дополнительного исследования.

Диахронический взгляд на выявленный материал показывает, что к жанру инвективы Тютчев обращался на протяжении всего творчества: первая инвектива «На новый 1816 год» написана в самом начале творческого пути поэта, последняя – «Наполеон III» – на отлете его жизни, 30 декабря 1872г. С учетом двух периодов, выделяемых в творчестве Тютчева (I: 1820-1844, II; 1848-1873, «с четырехлетним перерывом, от которого не дошло ни одного текста» [11, с. 123]), следует сказать, что функционирование жанра инвективы происходит в обоих периодах; применительно к инвективе I период – это 1816-1836, II – 1850-1872. Наиболее интенсивно жанр живет во II периоде; соотношение инвективных стихотворений по двум периодам равно 34:66. Изменяется по периодам и типология инвектив. В I периоде преобладают высокие инвективы, во II – эпиграмматические. Сопоставление двух «крайних» высоких инвектив «На новый 1816 год» и «Наполеон III» показывает эволюцию высоких инвектив Тютчева: в первой была градация осуждения и наказания, в последней

осуждение сменяется положительной программой. Эволюция, очевидно, связана с веяниями эпохи, о которых говорится в статье Г. Брамлиной в настоящем издании.

Подводя итоги, следует сказать, что 1) инвектива в поэзии Тютчева предстает как жанр, восходящий к разным источникам (античным, библейским, французским), и имеющий различные модификации. 2) Будучи жанром преимущественно социально-политической лирики, инвектива показывает раз-

нообразии и богатство этого пласта поэзии, традиционно считающегося самым слабым у поэта. 3) Анализ инвектив обнажает линии преемственных связей Тютчева, его притяжения и отталкивания от великих предшественников и современников. 4) В масштабах истории рассматриваемого жанра инвективы Тютчева представляют этап завершения державинско-декабристской линии высокой инвективы и начало формирования инвективы площадной.

Список использованной литературы:

1. Зунделович Я.О. Этюды о Тютчеве. Самарканд, 1971. – 167 с.
2. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. – 573 с.
3. Новинская Л.П. Соотношение метра и жанра в оригинальной лирике Ф.И. Тютчева // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1984. – С. 69-79.
4. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 391-434.
5. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 220-256.
6. Афанасьева К.А. «Одизм» или «трагизм»: Размышления на тему Тютчев и Державин // Тютчев сегодня: Материалы IV Тютчевских чтений. М., 1995. – С. 80-97.
7. Маймин Е.А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев. М.: Наука, 1976. – С. 143-184.
8. Озеров Л.А. Поэзия Тютчева. М.: Худож. лит., 1975. – 112 с.
9. Касаткина В.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева. М.: Просвещение, 1978. – 173 с.
10. Гаспаров М.Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Гаспаров М.Л. Избранные труды, Т.2. М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 332-361.
11. Чумаков Ю.Н. Принцип «перводеления» в лирических композициях Тютчева // *Studia metrica et poetica*. Памяти П.А. Руднева. СПб, 1999. – С. 118-130.
12. Шайтанов и.О. Федор Иванович Тютчев: поэтическое открытие природы. М.: Изд-во МГУ, 1998. – 129 с.
13. Матяш С.А. Инвектива в русской поэзии // Человек и общество / Материалы междунар. науч.-практич. конф. ч. 3. Оренбург, 2001, С. 104-105.
14. Матяш С.А. Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса // Феномен русской классики, Томск: ТГУ, 2004. – С. 17-32.
15. Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. – С. 468-476.
16. Краковяк А.С., Матяш С.А. Проблема жанра инвективы в свете субъектно-системного подхода (на материале русской и польской поэзии периода Второй мировой войны) // Памяти В.П.Скобелева: Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX-XX веков / Междунар. сб. статей. Самара, 2005. – С. 70-85.
17. Краковяк А.С., Матяш С.А. О композиционных особенностях русской и польской инвективы // Мир славянской письменности и культуры. Оренбург, 2006. – С. 81-86.
18. Дементьева (Анненкова) Н.А., Матяш С.А. Инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова // Человек и общество / Материалы междунар. науч.-практич. конф. ч. 3. Оренбург, 2001. – С. 135-137.
19. Анненкова Н.А. Сатира и инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. – 23 с.
20. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. М.: Худож. лит., 1957. – 626 с.
21. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. – С. 5-49.
22. Королева Н.В. Ф.И. Тютчев // История русской поэзии: В двух томах. Т.2. Л.: Наука, 1969. – С. 191-224.
23. Скотов Н.Н. Некрасов: Современники и продолжатели. Очерки. М.: Сов. Россия, 1986. – 336 с.
24. Биншток Л.М., Корман Б.О. Некрасов и Тютчев (к типологии лирических систем) // Некрасов и его время. Калининград, 1976, вып. 11. – С. 35-36.
25. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.1-2 / Сост. В.Н. Касаткина; ред. Л.Д. Громова-Опульская. М.: Изд. Центр «Классика», 2002-2003. Т.1 – 528 с.; Т.2 – 640 с. Стихотворения Тютчева цитируются по этому изданию.
26. Чагин Г.В. Федор Иванович Тютчев: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1990. – 175 с.
27. Пустовойт К.Г. Образы римских поэтов у Тютчева // Тютчев сегодня: Материалы IV тютчевских чтений. М., 1995. – С. 69-79.
28. Успенская А.В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб.: Б-ка Рос. Акад. наук, 2005. – 363 с.
29. Гораций Флакк Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Перевод с лат. под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Худож. лит., 1970. – 479 с. Тексты Горация цитируются по этому изданию.
30. Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960. – 582 с.
31. Краковяк А.С., Матяш С.А. Типология русской и польской инвективы периода Второй мировой войны // Литература в контексте современности / Материалы II Междунар. конф. Челябинск, 2005. – С. 167-171.
32. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 томах. Т.6. М.: худож. лит., 1975. С. 193-208.
33. Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука, 1980. – 248 с.
34. Николаев А. Художник-мыслитель. Гражданин (читая Тютчева) // Вопросы литературы, 1979, №1. – С. 116-158.
35. Лотман Л.М. Ф.И. Тютчев // История русской литературы в четырех томах. Т.3. Л.: Наука, 1982. С. 403-426.
36. Горелов А.Е. отношение Тютчева к декабристам. 14-ое декабря 1825 // 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: Хрестоматия для словесника. Брянск: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 57-58.
37. Жакова Н.К. Тютчев и славяне: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001 – 63 с.
38. Худощина Э.И. Метафоры «безумия» и «огня» в политической риторике Тютчева // Ф.И. Тютчев: Грани поэтического мира. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 74-87.